

УДК 74.03

БЛЕЙХ Надежда Оскаровна,
доктор исторических наук

BLEICH Nadezhda Oskarovna,
Doctor of Historical Sciences

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ ПИСЬМЕННОСТИ СЕВЕРОКАВКАЗСКИМИ КУЛЬТУРТРЕГЕРАМИ

HISTORY OF THE WRITTEN LANGUAGE CREATION BY THE NORTH-CAUCASIAN CULTURE BEARERS

В статье говорится, что все народы, проживающие на Северном Кавказе, изначально не имели своей письменности. Они пользовались для внешних контактов с остальными этносами другими письменными знаками: турецкой, арабской, грузинской, персидской азбукой, что было весьма затруднительно в общении, и потому у горцев назрела насущная необходимость в создании своего письма.

В работе на исторических материалах представлены начала зарождения северокавказской письменности самими выходцами из этого края, показан процесс создания своей письменной культуры осетинами, дагестанцами, ингушами, черкесами, адыгами и другими горскими народами.

Доказано, что духовное наследие северокавказских культуртрегеров по созданию письменности для своих этносов было огромно. Это способствовало утверждению среди горцев начал образования и, как следствие этого, появлению новой плеяды кавказских мыслителей, продолживших дело просвещения своих народов.

Ключевые слова: горские народы, Северокавказский край, просветители, передовая наука, письменность, культура, культуртрегеры.

The article tells that all peoples, who lived in the North Caucasus, did not have their written language. For external communication with other ethnic groups they used other written signs using Turkish, Arab, Georgian and Persian alphabets that considerably impeded communication; therefore the mountaineers faced the vital necessity to develop their own written language.

Based on historical materials, the author highlights the early origin stages of the North Caucasian written language developed by the local people themselves and the process of creating their own written language culture by Ossetins, Dagestanians, Ingushs, Circassians, Adygeis and other mountaineers.

It is proved that the North-Caucasian culture bearers made a great contribution to the creation of the written language and the spiritual heritage of their nations. It enhanced the development of education among mountaineers and the formation of a new pleiad of Caucasian thinkers who followed up the enlightenment of their peoples.

Keywords: mountain peoples, the North-Caucasian region, enlighteners, foremost science, written language, culture, culture bearers.

Все народы, проживающие на Северном Кавказе, до воссоединения с Российской империей (сер. XIX в.) не имели своей письменности. Они пользовались для внешних контактов с остальными этносами другими письменными знаками. Так, народности адыгской группы с XVI в. в дипломатии использовали турецкую письменность (через местных и приезжих переводчиков), чеченцы и ингуши пользовались арабским алфавитом, а осетины – грузинским. Также во всем Северокавказском регионе широко была распространена персидская письменная культура. Эта чуждая кавказскому духу письменность была весьма неудобной в применении, к тому же прививалась искусственно, и потому у горцев назрела насущная необходимость в создании своего письма.

Раньше всех приступили к созданию своего письменного языка осетины. Об этом свидетельствуют многочисленные источники иностранных купцов, миссионеров, путешественников (Андроник, Г. Рубрук и др.). На основании этих и других архивных документов, современный ученый Г.Ф. Турчанинов делает вывод, что «осетины дали своим письмом толчок к этому виду культуры (имеется в виду письменность – Н.Б.) ряду народов Восточной Европы и Северного Кавказа» [1, с. 113–117].

Этот факт подтверждает проявление в Осетии надписи, начертанной грузинскими буквами на стене Нузальской часовни, относящейся к XIII столетию. Значение этой надписи, или «Слова о девяти братьях», трудно переоценить. Она является историческим документом, повествующим со всей эпической торжественностью и лирической тональностью осетинских причитаний и песен о героических поступках девяти братьев. «Слово о девяти братьях» насквозь пронизано гордостью за героическое прошлое Осетии и скорбью за гибель лучших ее сынов. Известный исследователь-осетиновед З.М. Салагаева делает вывод, что именно от Нузальской надписи берет начало осетинский историко-литературный процесс, в частности его историко-героическая линия. Нузальская надпись «дает основание отнести начало осетинской художественной литературы не к XIX в., как это сейчас принято, а к середине XVII в.» [2, с. 14].

В это же время предпринимались попытки создать свой письменный язык и в Дагестане: серединой XVII в. датируется первый документ, дошедший до нас, – «Свод заповедных законов Кайтага Дарго», написанный на даргинском диалекте; примерно к этому же времени относится и сохранившаяся по сей день в Кумухе эпиграфия на лакском языке. В конце XVII столетия появляются знаменитые рукописи муфтия Дамадана Мугинского и «Дербент-наме» на лакском языке [3, л. 321].

Также делались попытки создания письменности и на аварском языке Т. Омаровым и Дибир-кади из Хунзаха. Причем последний изобрел алфавит из 38 букв и перевел арабский трактат «Калила и Димна». Благодаря этим предпринятым попыткам в Дагестане к началу XVIII в. была окончательно завершена аджамская система письма, основанная на арабской графике.

Первые дагестанские ученые на основании составленных алфавитов стали создавать весьма самобытные по оригинальности произведения в области истории, этнографии и просвещения своих этносов. К ним относятся «Тамарин фи-р-риядийат» (упражнения по математике), «Дамадан» (учебник по медицине) и др. В итоге к началу XIX столетия дагестанское духовное наследие вошло в сокровищницу арабской культуры. «Дагестанцы, – отмечает проф. Игорь Крачковский, – и за пределами своей родины, всюду, куда их закидывала судьба, оказывались общепризнанными авторитетами для представителей всего мусульманского мира в целом» [4, с. 234].

К концу XVIII столетия создается подобная письменность на арабской графической основе и в Кабарде. Свидетельством тому является надпись, сделанная арабским шрифтом на верхнебалкарском диалекте карачаево-балкарского языка. Она повествует о праве черкесского князя Измаила Урусбиева на свое феодальное владение [5, л. 9–11].

Однако тут следует сказать, что некоторые ученые-историки и сегодня не видят прогрессивной роли арабского языка в истории письменной культуры мусульманских народов той поры. В тех условиях он играл позитивную объединяющую роль в приобщении горцев к мировой культуре. «Арабский язык и документы арабской письменности, – отмечает арабист А.Н. Генко, – могли стимулировать организацию их (кавказских народов – Н.Б.) сопротивления, играя роль междуплеменного и международного орудия взаимообогащения» [6, с. 45]. «Дагестанские и кабардинские ученые той поры, – пишет другой востоковед И. Крачковский, – владели уже всей полнотой общеарабского наследия своих веков. В равной степени их интересовали и науки грамматические, и трактаты по математике и по астрономии» [7, с. 231–233].

Но было бы несправедливо думать, что горские народы только культивировали культуру арабо-язычных народов. Как справедливо отмечает ориенталист И. Крачковский, арабская культура, бытовавшая на Северном Кавказе, «культивировалась уже местными силами и развивала даже самостоятельные черты. Горцы создавали оригинальные произведения, органически связанные с краем, вносили свою специфику в арабо-язычную культуру» [8, с. 233].

Первым, составившим адыгский (черкесский) алфавит (1821), был Эфенди Магомет Шапсугов, шапсуг по национальности. Однако, по сведениям адыгского просветителя С. Хан-Гирея, «из-за противодействия мусульманского духовенства, азбука эта не получила применения» [9, с. 281–284].

Сам С. Хан-Гирей предпринял попытку составить черкесский алфавит, с помощью которого он записывал кабардино-черкесский народный фольклор. Будучи убежденным сторонником того, что без введения письменности на материнском языке «кабардинцы никогда не достигнут благодетельной степени», просветитель обратился к помощи российского правительства в «этом благородном, спасительном для черкесов деле» [10, с. 286].

Свою лепту в разработку кабардинской письменности внес адыгский просветитель Ш.Б. Ногмов (1794–1844). Его решение о составлении грамматики адыгского языка возникло под влиянием двух известных академиков – востоковеда Ф. Шармуа и упомянутого нами А. Шегрена, ставшего впоследствии его руководителем и наставником. В качестве рецензента выступил его соотечественник Д.С. Кодзоков.

Свою мечту Ш. Ногмов осуществил в 1840 г., когда представил на суд ученых свой большой научный труд «Начальные правила кабардинской грамматики». В предисловии к своей «Грамматике» автор писал: «Я сделал, сколько мог, и старался сделать сколь можно лучше. Молю Провидение и единого Бога, чтобы явился мне последователь в любви к народному языку..., но последователь более искусный и сведущий...» [11, с. 16].

И таковой вскоре нашелся. Им стал Умар Хапхоевич Берсей (1807–1887), издавший черкесский букварь, который увидел свет в Тифлисе в 1855 г. Этот букварь был представлен на рецензирование в Российскую Академию Наук и получил одобрение со стороны академиков-кавказоведов Броссе, Дорна, Шифнера. Хотя азбука У. Берсея была составлена на основе арабской графики, она, по словам просветителя К. Атажукина, «была приспособлена к адыгским наречиям» [12, с. 131–137]. Однако ученый не останавливается на достигнутом, и в 1861 г. он снова составляет азбуку, но на этот раз уже более совершенную. Таким образом, У. Берсей создает для своего народа два букваря и грамматику адыгского языка, однако, к сожалению, они не получили у адыгов практического применения. Но как бы то ни было, в итоге своей мно-

гогранной просветительской деятельности У. Берсей внес весомый вклад в письменность адыгских народов.

В 1839 г. первый академик из Дагестана Казем-Бек представил на суд широкой публики свою «Грамматику турецко-татарского языка». Сначала ученый перевел ее на немецкий язык, а затем несколько переработал и издал в 1846 г. под другим названием – «Общая грамматика турецко-татарского языка». В преамбуле к этой работе Казем-Бек писал: «Над второй (имеется в виду «Общая грамматика» – Н.Б.) трудился столько же, сколько нужно было для составления нового сочинения: я старался переработать ее во всех частях... Я счастлив тем, что первый смог писать так пространно об этом предмете. Я сделал теперь для русского поколения молодых ориенталистов, сколько позволили мне мои досуги... Может быть, не пройдет много лет, как появится на русском языке собрание синтаксических правил турецко-татарского языка полнее и подробнее моего. От искреннего сердца желаю полного успеха моим последователям на сем поприще» [13, с. 12].

И хотя грамматика Казем-Бека требовала дополнительной доработки, она все же позволила более успешное изучение тюркских языков. Это был смелый поступок, так как татарский язык в ту пору нигде не преподавался и даже татарское общество вынуждено было общаться на персидском языке, пренебрегая своим родным.

Академик Российской Академии Наук Б.А. Дорн представил членам академии рецензию на труд Казем-Бека. В ней ученый отмечал, что «Турецко-татарская грамматика была для России давно ощутимой потребностью, и надобно было именно желать, чтобы труд сей был принят уроженцем Востока, который соединил в себе европейское образование с природным знанием языка, был бы, так сказать, с колыбели посвящен во многие тонкости языка, ускользающие от самого внимательного европейца. ...Особенного признания знатоков заслуживают поучения о дербентском (выделено нами – Н.Б.), а еще более о доселе почти вовсе неизвестном, но теперь выясненном Мирзою Казем-Беком азербайджанском наречии, потому что оба имеют довольно особенностей, поощряющих к дальнейшим изысканиям... Словом, мы получили здесь грамматику, которой, не колеблясь, даем преимущество перед всеми доселе изданными грамматиками» [14, с. 104–134].

По справедливому определению российских ученых, Казем-Бек явился пионером создания научной основы грамматической транскрипции азербайджанского языка. Просветитель на основе европейских языков заменил устаревшую арабскую систему изложения языкового письма. Это во многом облегчило изучение тюркских диалектов представителями других кавказских этносов.

Таким образом, духовное наследие северокавказских культуртрегеров по созданию письменности для своих этносов было огромно. Это способствовало утверждению среди горцев начал образования и, как следствие этого, появлению новой плеяды кавказских мыслителей, продолживших дело просвещения своих народов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Турчанинов Г.Ф. Появление письменности у кавказских народов // Российская этнография. – 2000. – № 5.
2. Салагаева З.М. От Нузальской надписи к роману. – Орджоникидзе, 1984.
3. ЦГА РД. (Центральный государственный архив Республики Дагестан). Ф. № 3.
4. Крачковский И.Ю. Арабская литература на Северном Кавказе. – М.-Л., 1960. Т. VI.
5. ЦГА КБР (Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской республики). Ф. 2 (Управление Кабардинским округом). Оп. 1. Д. 322.
6. Генко А.Н. Арабский язык и кавказоведение. – М.-Л., 1941.
7. Крачковский И.Ю. Арабская литература на Северном Кавказе. – М.-Л., 1960. Т. VI.
8. Там же.
9. Хан-Гирей С. Записки о Черкесии. – Нальчик, 1978.
10. Там же.
11. Ногмов Ш.Б. Филологические труды. – Нальчик, 1956. Т. 1.
12. Атажукин К. Избранные труды. – Нальчик, 1969.
13. Казем-Бек. Общая грамматика турецко-татарского языка. Предисловие. – Казань, 1839.
14. Рецензия Б. Дорна на «Грамматику турецко-татарского языка», представленную Казем-Беком на соискание Демидовской премии // Протоколы заседаний Совета Петербургского университета. – 1842. – № 8.

REFERENCES

1. Turchaninov G.F. Appearance of written language in Caucasian peoples, [Pojavlenie pis'mennosti u kavkazskih narodov] Russian ethnography. 2000. No.5.
2. Salagaeva Z.M. From The nuzalskoy inscription to the novel. [Ot Nuzal'skoj nadpisi k romanu] Ordzhonikidze, 1984.
3. Central Public Archive of the republic of Daghestan (TSGA rd)[Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Respubliki Dagestan]. F. № 3.

4. *Krachkovskiy I.YU.* Arab literature in the North Caucasus.[Arabskaja literatura na Severnom Kavkaze]. Moskva: Leningrad, 1960. T. VI.
5. TSGA KBR (central Public Archive Of kabardino-Balkarskoy republic). F. 2 (control of Kabardian region). Pub. 1. D. 322.
6. *Genko A.N.* The Arabic language and study of the Caucasus.[Arabskij jazyk i kavkazovedenie]. Moskva: Leningrad, 1941.
7. *Krachkovskiy I.YU.* Arab literature in the North Caucasus.[Arabskaja literatura na Severnom Kavkaze]. Moskva: Leningrad, 1960. T. VI.
8. Ibid.
9. Khan-Ghirey S. Notes about Cherkessii. [Zapiski o Cherkessii.] *Nal'chik*, 1978.
10. Ibid.
11. *Nogmov SH.B.* Philological transactions.[Filologicheskie trudy]. *Nal'chik*, 1956. T. 1.
12. *Atazhukin K.* Selected transactions. [Izbrannye trudy]. *Nal'chik*, 1969.
13. *Kazem-Beck.* General grammar of Turkish-Tatar language. Preface. [Obshhaja grammatika turecko-tatarskogo jazyka. Predislovie]. *Kazan*, 1839.
14. Review of B. Dorna of "The grammar of Turkish-Tatar language", presented by Kazem-Beck in the competition of Demidov reward. [Recenzija B. Dorna na «Grammatiku turecko-tatarskogo jazyka», predstavleniju Kazem-Bekom na soiskanie Demidovskoj premii] *minutes of the meeting of the council of Petersburg of university.* 1842. no. 8.

Информация об авторе

Блейх Надежда Оскаровна, доктор исторических наук, профессор кафедры психолого-педагогических и медицинских проблем социальной работы Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л.Хетагурова. Владикавказ, (Северо-Осетинская АО), Россия

super-dezhda2013@yandex.ru

Получена: 31.01.2015

Information about the author

Bleich Nadezhda Oskarovna, Doctor of Historical Sciences, Professor, the Chair of Psychological-Pedagogical and Medical Problems of Social Work, the North Ossetian State University after K.L.Khetagurov.

Vladikavkaz,(The North Ossetian Autonomous region), Russian Federation
super-dezhda2013@yandex.ru

Received: 31.01.2015